

Лидия Гончарова

ПРИЛИЧНЫЕ ЛЮДИ

небольшой роман

Лидия Александровна Гончарова
Приличные люди.
Небольшой роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724294
ISBN 9785448564321

Аннотация

Кончается XX век. Переломные 90-е годы. Странный жизненный сумбур. Удивительные судьбы людей. Ожидание нового века, азарт, обман, надежды.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Приличные люди Небольшой роман

**Лидия Александровна
Гончарова**

Памяти Игоря Постникова

© Лидия Александровна Гончарова, 2017

ISBN 978-5-4485-6432-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«ХОРОШАЯ КВАРТИРА»

В тот день у мадам майорши собрались, кажется, все, кто когда-либо посещал Эмилию Карловну, любезную хозяйку дома, заядлую картёжницу, страстную любительницу кошек и голубей. Партнёры – дело обычное, текли рекой. «Этот поток для того и существует, чтобы не прекращаться». Так она приветствовала всякого, вновь входящего.

Пока Эмилия заканчивала частный урок, – надо же зарабатывать, а где ещё брать деньги, расходы невероятные! – картёжники тихонько разбились на две пары, играли в Терц и Деберц. Плюitto с Митей, Негр с Болтом. Лохматый только что пришёл. Увидел диспозицию:

- Почём рубка? – это он спросил Митю.
- По рублю. Давай, входи ко мне гривенником.
- Надеюсь, рубль хороший?

Ответил Плюitto:

- Ты же знаешь, я на деревянные не играю. Так входишь? Лохматый ищет табуретку, ходит по комнате:
- Давай, к тебе, Плюит, вхожу полтинником.

Притихли, раздаются отдельные слова и грубоватые шутки. «Бэлла», «терц», «сто пять». Обычная терминология. Все ждут, когда Эмилия Карловна закончит урок.

Кронгауз сидит в пальто, вывернутом наизнанку. Когда вернётся домой, жена, если в костюме сидеть, немедленно определит по запаху, что был у мадам. Если надеть пальто, но не вывернуть наизнанку, то всё равно дома запах разнесётся по всей квартире. А так, если пропахнет изнанка, то и костюм от котов спасёшь, и пальто снаружи вполне чистенькое, улицей и морозом пахнет.

Хозяйка проводила девочку, ученицу, поговорила немного по-французски с портретом кота Мордана, недавно почившего. Подошла к свободному от игры Лохматому:

– Давай, голубчик, пулю разисуем, пока эти бандиты в подзаборные игры бьются.

Неожиданно вернулась девочка. Что-то забыла?

– Эмилия Карловна, можно я у вас ночевать останусь, а то уже поздно, я на последний автобус опаздываю. А завтра мне к первой паре.

– Да, пожалуйста, не впервой, поди. Маме обязательно позвони.

– Звонила уже, она не отвечает почему-то, я СМС-ку отправила, ответ она прислала, разрешила.

Эмилия вытащила из-за шкафа раскладушку:

– Идём в спальню, – (СПАЛЬНЯ – это громко сказано,

отгороженный кусок комнаты, но с дверью и даже с окном.) – Туда коты не ходят. Там живут на окне два голубя. Да ты знаешь. На вот, стели себе. Перекуси что-нибудь.

– У меня есть и хлеб, и колбаска вкусная, я вам оставлю в холодильнике. Чай я заварю.

– Давай, хозяйничай, мне пора к ребятам.

Эмилия Карловна была отличным репетитором, в арбатских переулках очень ценима. Теперь вот и Рублёвка потянулась. Преподавала два языка, ещё четырьмя свободно пользовалась при необходимости.

В шестнадцать лет Эмилия вышла замуж за друга отца, тридцатилетнего майора медицинской службы, красавца и умницу. А в восемнадцать осталась вдовой. Спасибо Великой Отечественной.

Женой была невенчаной и нерасписанной, кто же в шестнадцать лет распишет! Ждала пропавшего без вести мужа, искала, писала письма, обращалась во все инстанции. Но для органов она ему никто, никуда её не вызывали, нигде серьёзно не разговаривали. Словно ветром сдуло любимого человека. И никаких следов. Так и осталась одна, теперь уже в коммунальной квартире, хозяйкой огромной комнаты с потолками в четыре с половиной метра.

Соседи, как ни странно, спокойно переносили её любовь к котам, покупали им сухой корм, угощали, когда красавчики, прежде их было трое, теперь вдвоём, делали утренний обход соседского хозяйства.

Только к голубям котов не пускали по понятным причинам. Рыжий Мордан был не просто старым котом. Для своего племени его можно назвать древним. Месяц назад он скончался двадцати восемью лет от роду. Остался портрет, с ним обычно и беседует одинокая пожилая дама исключительно по-французски.

Расписали пулю. Кронгауз, между собой его за смуглость, помноженную на характерную еврейскую внешность, все называли Негр, выиграл у Болта в Терц двадцать зелёных и побежал ловить такси, чтобы явиться домой хотя бы в приблизительно приличное время.

Что будет врать – придумает по дороге. За столом Плюто, Эмилия, Митя и Лохматый. Болт вошёл половиной к Мите. Игра всё время перекачивает деньги из одного кармана в другой, так и остались все примерно при своих. Игра была «на удовольствие», немного выиграла Эмилия, Лохматый и Болт проиграли по чуть-чуть.

Уходя, Лохматый не смог не уколоть старую даму:

– Эмилия Карловна, вот заработали немного, ну так купили бы себе новую шляпку или сапоги. Так нет! В воскресенье всё снесёте на ипподром. Дались вам эти лошади!

– Не приставай! Что ты понимаешь в радостях жизни? Иди, поспи часок-другой, тебе ещё работать.

Чистую правду сказал Лохматый. Эмилия много работала, очень хорошо зарабатывала. В карты играла для удовольствия и почти всегда бывала в плюсе. Но настоящая подлинная страсть, ипподром, Бега, съедали целиком всё её благополучие, она относилась туда деньги сумками. Единственная юбка, две старые блузки – вот весь гардероб бывшей шикарной женщины.

Надо было видеть эту образованную интеллигентную даму на ипподроме, среди таких же приличных господ. Как они красиво беседуют, как они милы и воспитаны! Но вот начался заезд. И не приведи Господи вам обратиться к любому из них в этот момент!

Можно взяться за раскалённый чугунный утюг, эффект примерно тот же, отлетите на пару метров в сторону. Будете лечиться. Вот она – страсть! И, как итог, сумка пустая, лишённая честно заработанного наполнения.

И так всю жизнь. С утра до вечера ученики, с вечера до утра карты, между делом коты с голубями и, наконец, по воскресеньям – Бега. Эмилия была почти нищая, но никогда не брала в долг.

Она относила на Ипподром всё, что заработала, при этом, никому не была должна. Она сама могла дать в долг кому-то из картёжников, и ей всегда возвращали, не задерживая.

Ученики её обожали, кроме денег всегда приносили еду: – Это для котов, Эмилия Карловна, я положу в холодильник.

Ну, понятно, для котов. Пармезан, Брауншвейгская колбаса, Шампанское с конфетами, кофе. Все несут воду в больших бутылках и соки. Коты это любят.

Правда, воду пьют из-под крана, а питаться почему-то предпочитают сухим кормом «Пурина», но это дело их вкуса. Колбасу съест кто-нибудь другой. И эти другие ели хорошо. Картёжники, ученики, если ночевать оставались – всем позавтракать надо. Всё равно, приносили гораздо больше, чем поедали.

На днях одна девочка подарила новую юбку. Говорит, сама сшила. Тяжёлая ткань, длинная, красивая крупная клетка. Всё как-то некогда примерить. Вот попросится на урок,

тогда и принаряжусь к её приходу, пусть ребёнку будет приятно.

Надо немного вздремнуть, пока все разошлись. Скоро опять проходной двор откроется. Один за другим, дверь не запирается. Два соседа относятся ко всем этим безобразиям спокойно. Они снимают свои комнаты недорого. А у кого снимают? Ну, разумеется, у генеральской дочки Эмилии Янсонс. Эта квартира в арбатском переулке принадлежит ей, а деньги за комнаты поглощает всё тот же ипподром.

Она любила ставить на тёмную лошадь. Выбирает по имени. Например, Внук, любимый жеребёнок от Внезапной и Укола. Должен когда-нибудь прибежать первым, хотя фаворит в ближайшем забеге скорее Тальони.

Но что толку на фаворита ставить? Три рубля выиграть? А вот если Внук придёт – отличная будет выдача. А что с деньгами делать будем? Ну, ладно, это мы потом придумаем. Сейчас кофейку и поспать. Она относилась к тому редкому типу людей, у кого кофе вызывает сонливость.

Ах, да! Теперь уже не снимают. Комнаты пришлось отдать в долгосрочную аренду. Нет-нет, не долги, не карты и не лошади. Упала, старая карга, уже почти весной. Всю ту зиму ни разу не поскользнулась, а тут – на тебе, завалилась.

Попала в больницу. Перелом ноги и руки лечила полгода. Кровать, сиделка – это всё чепуха, вполне смогла бы оплатить. Ученики ходят, картёжники тоже не забывают. А без лошадей деньги копятя беспощадно. Только и успевай в преферанс проигрывать.

Но коленный сустав оказался в плачевном состоянии. Будущее угрожало костылями навсегда. Лет уже немало, раз двадцать праздновала тридцать девять. Пора, кстати, десятку прибавить. А как на ипподром на костылях? А как без ипподрома?

Вот и решилась прооперировать колено. Поговорила с жильцом, он сумел взять кредит, родственники напряглись. Конечно, сильно уступила. Зато хожу, суставчик-железяка и гвозди-саморезы. На снимке – просто загляденье.

Вторую комнату тоже пришлось временно продать из-за девочки одной, бывшей ученицы. Ей сделали операцию на сердце, всё в порядке, слава Богу. Там длинная цепочка спонсоров собиралась, никак не могли договориться, кто-кому-когда и сколько.

А сосед, который вторую комнату снимал, парень небедный. У него здесь студия, он художник. Крыша в его комнате

стеклянная, он и снимал, чтобы родителям на Рублёвке масляной краской не надоедать. Ну, а здесь они с котами на перегонки старались, кто-кого выживет. Так и живут, вполне дружелюбно.

Художник принёс деньги, всё лечение оплатил и до сих пор той девочке помогает. Эти, которые спонсоры, оказались как будто нечистыми на руку. Неприятно вспоминать.

Теперь комнаты дохода не приносят, кормят только уроки. От них и деньги, и натуральные приношения.

Открыла компьютер, в почте новое письмо.

Глава 2

«КТО ВЫ, ПОЧЕМУ Я ПОМНЮ ВАШЕ ИМЯ?»

Так начиналось длинное письмо. Эмилия, увидев эту фразу, немедленно закрыла почту. Вот и попробуй теперь заснуть. А надо, надо. После обеда начинается работа. Выпить снотворное? Пожалуй. Несмотря на все слабости характера, Эмилия Карловна обладала железной волей и здравым смыслом.

Звонит телефон. Просится забежать Митя, оставит какой-то документ для перевода.

– Давай, только быстро. Я отключаюсь от цивилизации до тринадцати тридцати.

– А я уже у ворот, захожу в подъезд.

Входит в дверь, она, как всегда, открыта. С ним барышня.

– Давай текст. Как обычно, срочно? Что за девушка? Невеста?

Прелестное дитя пролепетало: «Здрассте», а Митрофан (Митя – в данном случае сокращение от чудесного русского имени, опозоренного господином фон-Визиним, и потому надолго вышедшего из употребления), этот дамский угодник, покраснел не слабее своей подруги:

– Да нет, это сестра Кронгауза.

Надо же так нескладно врать! Кукольное личико, ну просто Настя из кинофильма «Морозко», сестра Вовки Кронгауза, ярко выраженного еврея, по-прозвищу Негр.

– А как зовут сестру Кронгауза? Вы, барышня, с ним не двойняшки, случайно? Очень похожи. Ты бы врал аккуратнее, Митроша, и зачем врать-то? Это дитя ведь здесь уже бывало, не так ли? Твой текст, срочно? Давно бы уже сам выучил немецкий. Двадцать страниц? Двадцатку давай. Хорошую, конечно. Всё, прощайте. А ты сам-то когда спишь? Настя, уложите его спать, он всю ночь трудился, я свидетель.

– ЭмильКарлна, к субботе успеете? А откуда вы знаете, что она Настя?

– Ну, раз она сестра Кронгауза, так кем же ей быть, если не Настей. Счастливо, голуби мои. Я – спать. Митя, вечером жду, ты мне нужен. О-чень!

Эмилия ушла в голубиную спальню, по дороге бормотала:

– Именно Митя мне поможет. Митя-Митроша-Митрофан. Так она бормотала, бормотала, глаза закрылись, усталость победила...

Вечером Митя пришёл поздновато. За столом уже играли на пару Лохматый с Болтом. Эти бандиты не могут без под-

заборных игр. Пока переходили под землёй Новый Арбат, Болтянский проиграл Лохматому десятку в Железку. Ну надо быть такими идиотами? У Лохматого купюра на четвёртой цифре победила.

– Так, орлы, в моём доме прошу в Буру не играть. И в Очко не вздумайте. Это в тюрьме будете упражняться. Сейчас приедет Плютто, и распишем культурную пульку.

– Эмилия, не сердитесь, мы только в Деберчик. Хотите войти рубликом?

– Нет, у нас с Митей важный разговор, а я буду нервничать, что ты тут меня разоряешь. Не смогу сосредоточиться. Пойдём, Митроша, к голубям.

Эмилия включила компьютер, открыла почту. Весь день первая строка письма стоит у неё перед глазами. Сели рядом на диван, придвинули столик.

– Вот, смотри, Митенька, сегодня получила и испугалась читать одна. Давай, составь мне компанию.

– Знаете, Эмилия Карловна, давайте я почитаю один, а вы идите к ребятам. Там, я слышу, Плютто уже пришёл. Играйте, а я к вам половиной войду. Так спокойнее на мой взгляд, а?

– Ну, пожалуй, ты прав. Тогда я тоже потом одна читать буду, мне после тебя уже не страшно. Пошла играть. Обещаю

не продуть.

Эмилия погладила голубей: Серого по клювику, у Белой проверила больную лапку, и ушла играть в преферанс.

Митрофан вернулся к почте Эмилии. Вот оно, испугавшее пожилую женщину письмо. Открыл:

«Кто Вы, почему мне знакомо Ваше имя, почему оно мне дорого?»

Да, начало интригует. А вы-то кто? Не мешало бы представиться.

«Если я правильно вспомнил своё имя, меня зовут, должно быть, Алекс Рубан. Во всяком случае, здесь я именуюсь именно так. Попробую, не вдаваясь в подробности, изложить суть моей проблемы.

Я осознал себя – как будто родился приблизительно сорокалетним мужчиной, с сильными физическими повреждениями внешних и внутренних органов.

Очнулся в больнице, где и прошла моя дальнейшая жизнь. Вначале, в качестве пациента, затем я освоил множество медицинских манипуляций, вплоть до сложнейших операций.

Постепенно я сделался ведущим нейрохирургом, а теперь и одним из владельцев этой больницы. На ум приходит есте-

ственная мысль о том, что в прошлой жизни я был обученным врачом-хирургом. Руки помнили множество движений, над которыми надо долго и тщательно работать.

Забыл сообщить, больница, где я пришёл в себя, находится в городе Гамильтон, на островах Новая Зеландия. Для вас это – на краю света, среди чужого океана.

В настоящее время я пожилой мужчина, мне, наверняка, пошёл девятый десяток. Конечно, операциями в такие годы заниматься никто не рискнёт, но до сих пор я консультирую, а ещё совсем недавно ассистировал в сложных и интересных случаях.

Я был невероятно занят, пока занимался практикой вплотную, и только два последние года занимаюсь делом, с которого, безусловно, следовало бы начать. Да я бы и начал, если бы была возможность.

Память возвращалась ко мне постепенно в виде отдельных картин, часто во сне. Первое, что я вспомнил хорошо, это английский язык. Вокруг все говорили на английском, и я всё понимал.

Потом сразу вспомнился русский язык, но говорить было не с кем. И всё же очень хотелось, из чего я сделал вывод

о своём российском происхождении.

Я не буду сейчас загружать вас подробностями, только среди имён, пришедших мне в голову, лучше всего я помнил Алекс Рубан. Затем вспомнил имена Нина, Карл и Эмилия Янсонс.

Это имя мне почему-то особенно дорого. Потом я вспомнил, что Нина была Рубановская, а Карл, как и Эмилия, тоже Янсонс, из чего я предположил, что я, возможно, Рубановский, Нина моя жена или мама. А Карл Янсонс, очевидно, Ваш муж. Или отец.

Я пробовал разные варианты, и только сочетание Эмилия Карловна Янсонс, нечастое имя в России, дало мне три результата. Первая Эмилия – 1899 года рождения, её искать нет смысла, вторая, наоборот, ей всего пять лет. А вот ваш год рождения показался мне подходящим.

Прошу Вас, если моё имя Вам знакомо, откликнитесь. Помогите Вашему соотечественнику познакомиться с самим собой на закате жизни. Благодарю за потраченное на это письмо время и за Вашу доброту, если Вы сообразоволите написать мне любой ответ.

Искренне Ваш, Алекс Рубановский.

Р.С. Если, о, счастье!, окажется, что я не чужой Вам человек, я пришлю новое, более подробное письмо о себе и своей жизни. Отвечу на любые Ваши вопросы и задам миллион своих. А.Р.»

Митя прочитал письмо три раза. Вот он, поворот в жизни. Эмилия никогда больше не выходила замуж, это при её-то красоте, образованности и материальной независимости.

Митрофан однажды задавал этот щекотливый вопрос, и она ответила, что нет на свете подобного мужчины, каким был её муж, что для неё он – целый мир и вся жизнь. Что два года замужества – не один день. Что она не видела его неживым, и никто ничего не сказал ей о гибели Александра Рубановского.

Митя запомнил тот разговор и никогда больше к нему не возвращался. Эмилия Карловна была его педагогом в институте, руководителем диплома, и теперь он уговаривает её быть руководителем диссертации.

Но она хорошо знает характер Митрофана Ломова и уверена, что тот никогда не напишет никакую диссертацию. Карты не дадут. Он в них погряз гораздо сильнее, чем просто «расписать вечернюю пульку». Он погиб в игре, примерно, как она в лошадях. Не придётся им, ни ей, ни ему, сказать

в науке своего слова.

А в этой истории они вместе, пожалуй, разберутся. Вот и нашла прекрасная женщина, его хороший друг и учитель, близкий по духу товарищ и партнёр, нашла свой давно пропавший «целый мир».

Митрофан вышел к игрокам:

– Как дела, Эмилия Карловна? У меня всё хорошо. Хотите, поменяемся местами? Идите, почитайте. Очень интересно.

– Вот наш выигрыш, твоя десятка. Смотри, не проигрывай. Не страшно, говоришь?

– Всё отлично. – И уже картёжникам, – У меня мизер.

Эмилия, испуганно:

– Начинается! Рискуюешь, аспирант!, – и закрыла за собой дверь в голубиную комнату.

Глава 3

«СОБЫТИЙ РАЗВОРОТ».

Эмилия Карловна долго не выходила из спальни. Митя уже поглядывал на дверь с тревогой. Ещё бы! Такое потрясение не всякий выдержит, не у любого-каждого хватит сил сохранять спокойствие.

У Эмилии Янсонс хватило. Выходя к обществу, она превосходно держала лицо. Правда, голос был на полутон выше обычного, когда хозяйка дома заговорила:

– Митя, останься после пульки. Вторую сегодня не играем, господа. Простите, если я вам сорвала вечер.

Плютто размял спину, потянувшись:

– Я и сам что-то устал. «Не тот я стал теперь», – пропел тенором баритоновую арию Грязного Владимир Афанасьевич Плютто, старый знакомый, почти приятель Эмилии в течении последних тридцати лет. – Нельзя не спать две ночи подряд.

Лохматый встал со стула, предложил, надевая пиджак:

– Пойдём, Болт, поужинаем. Я выиграл немного, хочется расслабиться.

Аккуратненький Витенька Болтянский попросился вымыть руки, выходя в коридор, покачал головой:

– Нет, мой лохматый друг, у меня планы поинтересней. Иди один или даму свою пригласи.

Все вежливенько попрощались. Лохматый просит разрешения поиграть с Болтом ещё часок. Подъедет его знакомый, и они завалятся в один дом на покер. Ну, конечно, Эмилия не против, всё равно им с Митей надо к компьютеру.

– Играйте с Болтом, а мы с Митрофаном в голубиной спальне уединимся. Для наших дел нужен компьютер.

– Вот, не относили бы деньги лошадникам, купили бы себе красивенький макбук, удобная вещь.

– Ты опять за своё? Туську ждёшь? Вот и жди. Кстати, она собирается прийти в субботу? Помощница моя по хозяйству?

– А и спросите сейчас, когда придёт.

– Нет, дорогие. Сами тут закроете, уходя, нас с Митрошей не отвлекайте. Пошли, Митенька.

Они молча расположились перед компьютером. Не спрашивая, Митя открыл письмо.

«Кто Вы? Почему я помню Ваше имя?»

– Что вы думаете по этому поводу? Мне нужно вас поздравлять? Нашёлся ваш пропавший муж?

Эмилия Карловна рассматривает свой маникюр. Надо бы подправить. Это Тусина работа, в субботу пусть займётся.

Они никак не могли начать откровенный разговор. Каждый чувствовал неловкость, двусмысленность ситуации.

Эмилия со свойственной ей прямоотой приступила первой к разоблачению магии:

– Знаешь... Кому и что от меня надо? Разве у меня есть враги? Для чего этот жестокий розыгрыш? Мне надо чего-то опасаться? Что ты хочешь от меня услышать? Предупреждаю, я НЕ ВЕРЮ!

Митя молчит. Эмилия продолжает рассуждать на темы: «Кому это выгодно, кто может желать ей плохого, стыдно смеяться над бедной девушкой, ну, ладно, бабушкой, что с неё взять...»

На этой мысли Митя оживился:

– Ну-ка, ну-ка, а не обсудить ли хорошенько эту тему. Если верить нашему другу Лохматому, как только вы бросите относить деньги лошадям, через месяц станете миллионершей.

Митрофан резко встал, чем остановил всё расширяющийся поток эмилиевых возмущений:

– Итак, попробуем подойти к проблеме вроде бы научно, записываю, первое – мы оба не верим в подлинность этого письма. Кого из нашего, вернее, вашего окружения, помимо меня, вы готовы считать непричастным? Я спрашиваю для того, чтобы получить в нашу команду Пинкертонов ещё хотя бы одного союзника. Вдвоём нам не справиться. Ваше слово, Эмилия Карловна!

– Негр.

– Согласен. Можете не предлагать больше никого. Группу будем расширять только при единогласном голосовании всей команды после тщательного обсуждения.

Предлагаю идти таким путём, постепенно убирая все кандидатуры, пока не упрёмся в одну-единственную, которую и припрём к стене.

– И что тогда?

– It depends, смотря кто окажется этим единственным. Я вызываю Кронгауза, сейчас, срочно. Сначала позвоню к нему домой, слегка введу в курс проблемы его супругу. Мне она доверяет. Кстати, окажем Негру большую услугу. Он где-нибудь завис в покере, надо его выдернуть, он с радостью соскочит, если непёрка, а у него она висит перманентно, – Митя уже набирает телефон квартиры Кронгаузов.

– Господи, Митроша, как ты выражаешься! Уши вянут.

– Вы, профессор, себя бы послушали, особенно на ипподроме во время заездов, – Митя продолжает разговор:

– ...Он очень нужен, ...да ...к Эмилиии Карловне. Ну какие карты! Он тебе потом расскажет всё подробно, ты тоже сможешь кое-чем помочь. На службе?... Хорошо, имей в виду, он придёт очень поздно, может быть, даже будет уже рано. Ничего, у него завтра библиотечный день, отоспится и пойдёт свой клей варить. Я тебя целую, спасибо, привет от Эмилиии Карловны...

Митя тут же набирает другой номер, Эмилия ворчит:

– Насчёт привета ты погорячился, его жена меня терпеть не может.

– Вы не правы. Галя совсем не против вас, она карты ненавидит, а лично вас очень даже уважает.

...Крон, приезжай срочно к Эмилиии... Пульки все закрыты. Здесь дела поважнее. Мы тебя ждём. С Галей я всё уладил, ты мой должник за это. Захвати докторской колбаски и апельсиновый сок для профессора, надо её успокоить. Давай, скорее, – Митрофан положил трубку, – карта ему попёрла, видишь ли. Врёт, конечно, иначе его из покера ничем не выдернешь. Он больной на эту тему.

– Оба вы на покере больные.

– Сказать вам по-секрету, мы все больные. А собственное признание болезни – это уже шаг к выздоровлению. Эти бандиты ушли? Я пойду ставить чайник, а вы, пользователь электронной почты «ЭмКа», подумайте над ответным пись-

мом. Вы, надеюсь, понимаете, что придётся отвечать в любом случае. Пока можно делать вид, что вы заглотнули наживку, времени прошло мало. У нас алиби: работаем над статьёй, с Негром играем в карты. Письмо напишете уже сегодня. Постарайтесь сделать так, чтобы можно было легко в любую сторону свильнуть.

– Яйца курицу учат. Иди, разбирайся с чайником. Да что-нибудь ещё поделай, картошку почисть, свари, в общем, дождись Володьку и тихонько проведи по коридору в комнату. Не будем афишировать его визит. Для него так поздно приходить – неестественно.

– Соседей подозреваете?

– Я подозреваю ВСЕХ!

Глава 4

«WE NEVER SLEEP.»*

– Подозреваю всех, кроме нашей команды. Господа пинкертонеры, прошу садиться.

Так встретила Эмилия Митю с Володией Кронгаузом, они внесли кастрюлю с горячей картошкой, вскипевший чайник, у Кронгауза в руках ещё и пакет с продуктами из Арбатского гастронома. Сумка с документами через плечо.

Сели поужинать на скорую руку, на столе всё простое, вкусное и качественное. Питаться из хорошего магазина – святое правило друзей-картёжников. У них всё измеряется карточными расчётами. Выиграть два терца – вот тебе и хороший ужин.

Не то, что у алкоголиков, те всё измеряют пол-литрами: «Вот ещё, в театр этот идти, это ж четыре пол-литры!». Ну, или пять-шесть, в зависимости от того, какой театр.

Быстренько за ужином ввели в курс дела Кронгауза. Он даже встал из-за стола и с чашкой чая в руках подошёл к компьютеру, прочитать письмо. Вовка предложил себя в качестве защитника версии истинности письма, хотя сразу согла-

сился с большой подозрительностью затеи.

Эмилия продемонстрировала свой возможный ответ. Пинкертоны слегка подкорректировали, и вот что получилось:

«Приветствую Вас, господин Рубан. Радуюсь Вашему запоздалому появлению, как радуюсь всему, что неожиданно находится, будучи давным-давно потерянным. На днях нашёлся шарфик моей мамы, а теперь вот – Вы.

За время Вашего отсутствия наука сильно шагнула вперёд, даже у нас, в отсталой России. Стала модной некая профессия – хакеры. Не всякому сообщению в компьютере следует доверять.

Вот и я стараюсь идти с веком в ногу. Стала подозрительной. Конечно, у меня в памяти есть многое, что я могла бы рассказать господину Александру Рубановскому, которым Вы себя называете, но прежде хотелось бы иметь несколько большую уверенность, в том, с кем я имею честь вступить в беседу.

С уважением и надеждой, Эмилия Янсонс. Возможно, Ваша невенчанная жена.»

Отлично. Команда решила, что письмо ни к чему не обязывает, держит дистанцию, если это враг, и заводит тёплый разговор, если друг. Ничего нового не сообщает, но подтверждает имена главных героев.

Маленький крючок всё-таки заброшен – Эмилия его жена. Пусть теперь думает над доказательствами. А нам самим есть о чём подумать, и немало.

Задачи определили сразу. Главное – найти бандита. Понять, что он хочет, чего добивается. Затем продумать, как его обезвредить и в какой степени наказать. Ну, это уж потом. Пока – КТО? Кого мы подозреваем?

– Кроме вас двоих, всех. Плюitto, Болт, Лохматый, Туся, мои соседи. Это люди, знакомые в той или иной степени с моей историей, и в настоящее время, последние несколько лет постоянно приходящие в этот дом. Ученики не в счёт. Всех прочих отодвинем на галёрку.

– А кто из вышеперечисленных вызывает у вас наибольшее подозрение?

– Нет, лучше скажите, кого из них вы не склонны подозревать?

Эмилия ворчит:

– Кому отвечать-то? Вы уж договоритесь, господа следо-

ватели. В каком направлении мне думать?

– Я соглашусь с Митей, сначала давайте отберём невинных и пригласим в нашу команду.

Митрофан чувствует крошечную победу и доволен:

– Сначала давайте определим мотив. Что врагу от «ЭмКа» надо? Цель какая?

Володя Кронгауз пожимает плечами:

– А что гадать? Ясно и козе, квартира. Вы, друзья, хоть приблизительно представляете, сколько стоит квартира в тихом центре Москвы, рядом с метро, площадью больше ста метров, да ещё с остеклённой студией? Знаете, как её можно продать! Кому! Это вам не Рублёвка у чорта на рогах. Вы миллионерша, барышня. Я бы на вас непременно женился, был бы свободен. А ты что не женишься, Митрофан? Делай профессору предложение немедленно.

Все трое веселятся, Эмилия любит такой скользкий юмор:

– Я лучше усыновлю вас обоих. Ваши мамки, правда, не согласятся, ну я тогда в крёстные попрошусь. Завещание напишу.

Митя сразу стал серьёзным:

– Вот! Завещание! Уж не подбирается ли наш невенчанный муж к завещанию? Но как? Вы написали уже? Не говорите, если не хотите.

– Как на духу отвечаю. Не писала. Никак между вами, двумя негодьями, не выберу, какой менее негодяистый.

Володя стал ещё серьезнее:

– У вас два договора об аренде. Когда закончатся?

– Художник – когда спонсоры соберут деньги. Там, кажется, разобрались, бухгалтершу уволили, и деньги вот-вот поступят. На моё имя. Тут мы с ним и рассчитаемся.

А второй сосед вроде риэлтором работает, не знаю в какой конторе. У него ещё год до конца договора. Потом, если останется жить, будет платить, как прежде.

Володя пропел:

– Ах, риэ-элтор! А вот о нём справочки и наведём. И про художника всё разнюхаем. Можно я Галю подключу? Жену мою? Она через своего отца многое разузнать может.

Эмилия махнула рукой:

– Да знаю я, как твою жену зовут. Сегодня ей передавала привет. Конечно, пусть узнает про них побольше. Давно надо было, а то живут со мной с открытыми дверями... хотя... Они оба запирают свои комнаты. Это только я – душа нараспашку. Спокойна, что ко мне воры не забредут.

Митя строго постановил:

– Сегодня же меняем замки и запираем двери. Я объяв-

лю это всем жильцам, тем более, что им надо будет выдать новые ключи от входных дверей. Я возьму себе ключи, если вы не против, Эмилия Карловна. Больше никому не давайте без моего ведома. Приказ действует на время военного положения.

Эмилия очень довольна, она души не чает в своём Митеньке. Ишь! Раскомандовался! Смотреть – одно загляденье. Соглашается:

– Давай, ставь замки, запирай комнату, а то сделали из моей квартиры Дупло Дубровского: «Я вам оставлю, а Настя забежит заберёт», «Передайте Тусе, когда придёт, что я её буду завтра в одиннадцать ждать в Доме книги», «Пусть Болт передаст Плютту мой долг». А сколько разводов и свадеб через меня случилось? Всё. Закрыто. Все ушли на фронт.

Володя поддержал Митю:

– Именно. Митрофан Ломов объявил военное положение. Все стоим смирно. Все трое думаем до завтра насчёт Плютто. Он нам нужен в союзниках, следовательно, надо его вывести из подозреваемых. Прошу всех тщательно подумать, вспомнить о нём всего и побольше. Назначаем встречу до прихода преферансистов за час. А сейчас расходимся по домам. Немного поспим.

У Эмилии сна ни в одном глазу в три часа ночи-утра:

– Позор тебе, Пинкертон. Забыл? WE NEVER SLEEP.
Спокойной ночи, ребята. Что бы я без вас делала?

* (сноска) Девиз детективного агенства Алана Пинкертона.

Глава 5

«ТРИ ЧЕЛОВЕКА – ПАРТИЙНАЯ ЯЧЕЙКА.»

Примчались оба голубчика в половине второго. Эмилия Карловна успела и выспаться, и поесть. Хозяйка наливает всем кофе, Володя Кронгауз снимает пальто, не надевая изнанкой вверх, как обычно.

Эмилия смотрит удивлённо:

– Нарушаешь дресс-код!

Володя очень доволен:

– Официально откомандирован в расположение штаба лично тестем с согласия супруги. Не думаете же вы, что они спали, когда я пришёл. Тесть вообще не раньше полчетвёртого ложится, а Галка умирала от любопытства. Не пустили в кровать, пока не доложил проблему.

– Передай мою личную благодарность обоим. Времени мало, давайте, мои любимые негодяи, за дело.

Собрание партийной ячейки открыл председатель, Митрофан Ломов:

– Итак, на повестке заседания личное дело господина Плюitto Владимира Афанасьевича. Может ли он быть бандитом. Твой тёзка, Негр.

– Да мало ли у меня ещё тёзок. Как будто мой тёзка не может быть бандитом. И не зови меня Негром, я честный еврей.

– Ребята, шутки в сторону, – это Эмилия – давайте я начну, я Владимира Афанасьевича знаю много лет, полжизни, можно сказать. Успешный человек, всю жизнь номенклатура. По-моему, он даже не сдал свой партбилет, но под знамёна Зюганова не встал. Куда примкнул и примкнул ли – не докладывал. С этой точки зрения мне его биография неизвестна. Он знает, что я поддерживаю и почти дружу с Лерочкой Новодворской, поэтому разговоры со мной о политике лучше не начинать. Избегаем, как, впрочем, и все остальные картёжники.

Заметьте, мы никогда не говорим ни о политике, ни о религии. Как в лучших домах на Западе. Там это категорически не принято. В хороших домах. Там ещё о деньгах не говорят. Но тут у нас профессиональный интерес. Картёжники только о них, зелёных, и рассуждают. Плютку по природе не свойственен негативный авантюризм. Никогда не станет играть на пару, а вот Лохматый в этом замечен.

Митя встрепнулся:

– Лохматый и мне частенько предлагает, хочет использовать мою репутацию. Никак не могу ему вбить в голову, что репутацией своей я дорожу.

Эмилия продолжает:

– Вот и дорожи. А к Плютто он и не подкатывается с этими разговорами, не смеет. Это называется, ребята, авторитет. Хотя именно Плютто к нам Лохматого и привёл. Кто у нас проверяет новые колоды на крап? Володя. И дважды поймал краплёную. Это, кстати, Болт тогда покупал колоду в киоске на углу улицы Воровского.

Митя вступился за Болта:

– Это ни о чём не говорит. В тот раз я был вместе с Болтом, когда он покупал карты, мы вместе с другого конца Москвы ехали. Наверно, продавец купленный. Кто-то ему краплёные колоды приносит.

Эмилия:

– И я легко могу вычислить – кто! Не Плютто, не ты, не Кронгауз, не я и не Болт. Так кто? Вот именно. А я подходила к этому продавцу. Припугнула его, что нажалуюсь. Так он твердит, что «не докажете», и говорит, баба приносит. Получается, что не Лохматый.

Кронгауз смеётся:

– Да ладно, Эмилия Карловна, не будьте наивной. Любую тётеньку попроси, она и отнесёт. Или врёт продавец, что это баба, но в чём он прав, так в том, что не докажем. Остаётся глазастый очкарик Плютто. На него вся надежда. Любой

крап разглядит. Но мы отвлеклись, господа. Кого мы обсуждаем? Плютта. Я знаю его материальное положение. Безукоризненно. Семья на первом месте. У него тесть очень большая шишка. Я обратил внимание, Плютто всегда встаёт из-за стола после двух пуль. Не играет больше ни во что, даже в покер. Станет ли такой приличный человек плести паутину против верной подруги по картам? Ни-ког-да. Твоё слово Митрофан.

– Я знаю многое из жизни Плютта, помимо карт. Всегда очень порядочно себя ведёт. Ни зуб, ни руку не отдам, но, по моему, это не он. Голосуем. Единогласно. Значит, сегодня одна пулька, после чего остаёмся на совещание.

– Нет, дорогой. Это будет подозрительно для остальных. Делаем так: Плютто обычно приходит в половине шестого, а Лохматый с Болтом ближе к семи. Плютто любит деберц из парных игр, тут ты, Крон, не в курсе. Они с Митенькой всегда сидят вдвоём и дуются в картишки, пока я уроки по-немецки даю, всё равно ничего не понимают. Давайте, ребята, совещаться будем за час до пульки. Ученица будет писать контрольную, а мы побеседуем.

Володя полюбопытствовал:

– А деньги за урок ученица заплатит?

Эмилия пожимает плечами:

– А как же? Я её ещё запугаю, скажу, что если плохо напишет, получит двойное задание к следующему уроку и заплатит вдвойне.

– Круто! – произнесли оба негодяя в унисон.

– Круче не бывает. А теперь пошли вон, делайте свои дела, и в половине шестого чтоб оба были здесь как штык!

Глава 6

«ТЕ ЖЕ И ДЯДЯ ПЕТЯ.»

Владимир Афанасьевич быстро вошёл в курс дела. Когда Митя открыл почту «ЭмКа», обнаружилось ещё одно письмо:

«Спасибо за ответ, думаю над доказательствами. Счастлив уже тем, что нашёл Вас.» И подпись: Александр Рубановский.

Митя сделал вывод:

– Он взял тайм аут. Ну что ж, нам это на руку. Мы пока определимся с командой и выявим подозреваемого. Плюetto, ты хоть на момент веришь в эту историю?

– Ты удивишься, но я верю на пятьдесят процентов. Здесь возможно как одно, так и другое. Если Александр существует, это замечательно, но и не исключается наличие иллюзиониста. Я могу взять на себя прояснение этого вопроса.

Сегодня среда. Максимум к субботе мы будем знать, существует ли на свете человек по имени Алекс Рубановский. И если он, действительно, сам, без чьей-либо посторонней помощи вспомнил имена Карла и Эмилии Янсонс, мы сможем поздравить нашу дорогую хозяйку с обретением как ми-

нимум доброжелательно настроенного к ней человека, бывшего мужа и, возможно, бесполезных для неё родственников. Одиночество не так прекрасно, как иногда кажется некоторым семейным.

Я исчезну на пару-тройку дней, много дел, много работы, да и дело Эмилии требует приложения некоторой энергии. Мои подозрения совпадают с вашими. Вы подозреваете Лохматого. Я склонен с вами согласиться. Во всяком случае, отсекать его от подозреваемых и приглашать в команду нельзя ни в коем случае.

Эмилия уже проводила ученицу, написавшую контрольную быстро и правильно. Кронгауз посочувствовал:

– Эх, не удалось, Эмилия Карловна, взять двойную плату! Слишком хорошо учите, меньше стараться надо.

Эмилия прищурила глаза и с возмущением воскликнула:

– Так вот почему такой плохой клей у нас продают! Это такие, как Кронгауз, плохо стараются. Не смогла в ванной полочку приклеить, через два дня свалилась, и поганые пятна на красивом кафеле остались. Твоя работа, признавайся? Смотри, лишу тебя права нести мой гроб!

Негр вскочил, кланяется в пояс:

– Исправлю, клянусь, всё исправлю, немецким клеем пе-

реклею, а пятна от старого сотру, незаметно будет. Не я его изобретал, мой пока ещё в процессе, хороший будет, обещаю стараться. А гроб я ваш всё равно не смогу нести, старенький буду. Только не сердитесь, только простите глупого.

Эмилия вздохнула:

– Вот и вся страна такая. Не стараются, хитрят, пьют, работу прогуливают. Ну а что нам дальше-то делать? Что посоветуешь, Плютто-нетто-брутто?

– Можете взять в команду Болта, я за него могу поручиться. Он совсем плох в отношениях с компьютером, абсолютно лишён какого-либо авантюризма, ни малейшего понятия не имеет о юриспруденции. Ему такую интригу не потянуть. Кроме того, он не нуждается в подобном сомнительном заработке, у него такой покровитель – нам и не снилось. Витенька Болтянский, красивый голубой мальчик, снимается в сериалах, следит за внешностью, кефиром умывается. Нет, он не при делах. Берите в команду, он может пригодиться. А его покровитель – так уж точно. Господа, нам пора за стол, сейчас появятся партнёры. Митя, давай пока в терц.

Митя кивнул на компьютер:

– Эмилия Карловна, идите, полюбуйтесь на новую записку в дупле Дубровского.

Пожилая женщина с неожиданной энергией выскочила из-за стола и нырнула в голубиную комнату, там Кронгауз

что-то колдовал в интернете на своей страничке.

Плютто, сдавая по девять карт себе и партнёру, строго смотрит Мите в глаза:

– Жениться собираешься?

Митрофан принял вид строгого учителя:

– Скоро нам исполнится восемнадцать. Потом мы сдадим в школе экзамены, потом мы сдадим экзамены в институт, поступим, а уж потом Митя попросит у Асиной маменьки Асиной руки, и летом мы тихонечко распишемся в ближайшем ЗАГСе. Митя ведь работает как раз в том институте, куда Настасья собирается поступать. Там афишировать нашу семейственность нежелательно. Володь, а кто у Болта покровитель? Ну скажи, ну по-секрету.

– Нет. Заслужишь – он сам тебе расскажет. А вот и они. Просмотрю-ка я новую колоду, что они принесли, повнимательнее, что-то Лохматый возбуждён сильнее обычного.

Из спальни вышли Эмилия и Негр. Для преферанса многовато людей. Эмилия села играть, а Митрофан с Кронгаузом отправились куда-то «по важному делу», сказали, что вернутся.

Плютто проверил колоду. Отдал её Лохматому и предложил играть ею в дурака дома с барышней. Достал из карма-

на свою, новую, запечатанную. Предложил партнёрам проверить, если хотят. Лохматый обиделся, сидит, понурый. Раздали карты – оживился, дело пошло.

Тем временем вернулись Митя с Негром, привели какого-то «дядю Петю», все втроём занялись дверными замками.

– Эмилия Карловна, возьмите меня в долю половиной, – это сказал Митя.

– А ты, Болт, меня. Вхожу тридцатью процентами, – это сказал Кронгауз.

Дядя Петя тоже подаёт голос:

– Тогда и меня возьмите кто-нибудь. Да хоть ты, очкастый.

Плютто спрашивает новенького партнёра:

– Не боишься продуть? Давай, четвертаком входи. От выигрыша получаешь, за проигрыш четвертью отвечаешь.

Просидели за игрой до полуночи. Мастера успели вставить в две двери три новых замка. Дядя Петя – что заработал, то и отдал. Проиграли все. Выиграл один Лохматый. Уходя, пропел:

– Атаки яростны-ы-ы-е те...

Остальным пришлось только пожать плечами. Это игра.

Глава 7

«В НЕБЕ И НА ЗЕМЛЕ»

Он сказал подруге-майорше, что его не будет до субботы. Но, хитрец, не уточнил, до какой именно. Хорошо, если удастся обернуться за неделю, и как раз к следующей субботе появиться пред её светлые очи.

Ежедневные посиделки за преферансом стали для него такой же привычкой, как каждый день обедать. Даже по воскресеньям, после ипподрома Эмилия всегда радуется приходу партнёров по картам.

Совершенно измученная и опустошённая в прямом и переносном смысле этого слова, она всё-таки сидит за столом и за кого-нибудь болеет. Правда, в долг не играет никогда.

Вот и сейчас, уже сидя в самолёте, Владимир Афанасьевич думает о картёжниках. Ничего страшного, лететь ему в Окленд с пересадкой в Лос-Анджелесе больше тридцати часов. Успеет подумать обо всём. Майоршину проблему он будет решать кардинально вкупе со своей.

С утра они с тестем сели на телефон, выяснили про кли-

нику в Новой Зеландии, в городе Гамильтон. Есть там доктор Рубан, нейро-хирург. Только это женщина, Эмма Рубан, врач с прекрасной репутацией.

Плютто записался на консультацию, тесть вызвал адъютанта, подправили документы, поставили новозеландскую визу, подтвердили американскую. Это, чтобы через Америку лететь. И вот он в самолёте.

Наши врачи поставили диагноз, опухоль гипофиза. Собирался оперироваться буквально вот-вот. Ну, а почему не проконсультироваться у зарубежного доктора, тем более, что поездку оплатит фирма. У него там, кроме Алекса Рубана и собственной болезни, большущее задание от фирмы тестя, встреча в аэропорту Лос-Анджелеса и два маленьких поручения от своей канцелярии. Нагрузили чиновника по полной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.